

Кожа у девочек нежная и гладкая, от крепкой хватки она покраснела. Ван Шэншэн, только что вырвавшаяся на свободу, недовольно попыталась развернуться и снова напроприятности.

Ли Цзиньвэй пригрозила ей сигаретой, недобро прищурившись:

— Тебе всё мало, да?

Преимущество в росте, да к тому же огромная разница в силе — она просто не понимала, почему Ван Шэншэн совершенно не умеет читать обстановку. Продолжи они в том же духе, добром это не кончилось бы.

У Ли Цзиньвэй не было желания возиться с ней, она развернулась, вышла из комнаты и спустилась вниз.

Туцзы тренировалась наносить макияж перед стойкой. Заметив появление Ли Цзиньвэй, она успела нацепить огромную линзу для кукольного взгляда только на один глаз:

— Сестра, ты ещё не спишь?

Ли Цзиньвэй ответила:

— Не спится.

— А Шэншэн?

— Спит.

—? Она же минуту назад мне в WeChat отвечала.

Ли Цзиньвэй вытащила изо рта сигарету:

— И что ответила?

Туцзы опустила голову, разблокировала экран телефона и через две секунды подняла взгляд:

— Спросила, не лесбиянка ли ты.

—...

Ли Цзиньвэй усмехнулась и переспросила:

— А ты что ответила?

Туцзы отозвалась:

— Сказала, что да, а чё такова?

— Ничего. Ответила верно, заслужила надеть вторую линзу.

Туцзы торопливо согнулась в три погибели, глядя в зеркало.

Ли Цзиньвэй открыла новую бутылку колы, прислонилась к краю стойки и сделала глоток. Тут из-за монитора высунулся soji:

— Сестра Вэй! Не спишь — гойда! Рандомный ADC, которого закинуло в команду, совсем ненадежный!

— Главное, чтобы ты помнил, что твоя сестра — машина, а ну-ка запусти мне комп!

Людей в клубе было мало, так что она просто позвала Туцзы играть вместе.

На этот раз они играли на связке Шая и Раккан. Туцзы владела Ракканом не очень уверенно, и в самом начале нижней линии они чуть было не отдали первую кровь. Жань Жань и soji, оформив убийство вражеской Ле Блан в формате «два в один», возвращались на базу и на ходу бросили:

— Закупайтесь и дуйте на низ.

— Ничего страшного, играть пока можно, — скомандовала Ли Цзиньвэй Туцзы. — Играем на контригре, у Люциана с Кармой урон высокий.

— Поняла, фарми под башенкой, — отозвалась Туцзы.

Сытанность этой пятерки игроков ковалась годами совместных тренировок. Они играли вместе столько лет, что порой понимали друг друга без всяких сигналов.

Пока парочка в чате продолжала ворковать о всякой ерунде, Ли Цзиньвэй, управляя Шаем в образе Звездной защитницы, намеренно подставилась под удар.

Люциан, видимо, понадеялся на свой взрывной урон и потерял бдительность. Он рванул вперед через Е, активировал толстый щит Кармы и принялся палить во все стороны. Ли Цзиньвэй тут же прожила ультимейт прямо на месте, выкрикивая фотку вслух:

— Пернатая буря!

Затем последовал быстрый возврат перьев, успешно зафиксировавший обоих врагов на месте.

soji играл за Шако и заранее затаился в кустах в индиве. Жань Жань играла за Диану: она дала Q и ворвалась с ультимейтом, и Люциан разом остолбенел.

— А теперь влетайте, Раккан! Очаруй его!

— Поймал, держу!

На экране загорелась надпись о двойном убийстве игрока Rran. Дин, устроившийся на верхней линии в полнейшей идиллии, вытянул шею:

— Ничего себе, у вас тут весело!

Туцзы заплакала голосом:

— Достижение «мир, в котором страдает только саппорт», разблокировано!

Глянув на экран, они увидели, что Раккан впитал в себя ровно десяток тысяч вражеских скиллов.

Ли Цзиньвэй покатила со смеху:

— Бедняжка, истинная жертва ради общественного блага!

Пятерка разогнала так сильно, что никто и не заметил, как у лестничного пролета появилась Ван Шэншэн. Она тихонько стояла в углу, наблюдая за ними.

Все эти радостные крики и смех делали её чужой на этом празднике жизни, превращая в нечто лишнее.

Лишенная семейного покровителя, Ван Шэншэн походила на выпущенную из клетки канарейку, которая не умела ни выживать, ни общаться с людьми, а лишь слепо тыкалась во всё подряд.

В конце концов, раньше ей никогда не приходилось самостоятельно поддерживать какие-либо отношения — люди сами вились вокруг нее, да и ей самой это нравилось.

Только вот времена изменились.

Телефон внезапно завибрировал, и в строке уведомлений всплыло имя Оу Цзяхао — такое знакомое и режущее глаз: «Завтра загляни в квартиру, нужно кое о чем поговорить».

Она не ответила, неподвижно уставившись на экран стеклянным взглядом.

Как назло, мимо в туалет проходила Ли Цзиньвэй. Сначала она хотела сделать вид, что ничего не заметила, но, пройдя пару шагов, всё же повернула обратно:

— Чего стоишь тут?

Ван Шэншэн торопливо сфокусировала взгляд:

— Ничего.

Маленькие губки девушки были бледными, без единой капли крови. Ли Цзиньвэй пристально смотрела на нее какое-то время, а затем произнесла:

— Если что-то случилось, можешь обсудить это с нами.

— Нет-нет, спокойной ночи.

С этими словами она бросилась наверх, не оглядываясь, а Ли Цзиньвэй так и осталась стоять у лестницы, пока проходивший мимо Дин не врезался ей в плечо:

— Сестра, душу из тебя вытряхнули?

Ли Цзиньвэй взмахнула рукой:

— Проваливай!

На следующий день Ван Шэншэн спустилась вниз ни свет ни заря и увидела, что Ли Цзиньвэй вытащила бамбуковое кресло прямо к входу. Сама она сидела развалившись, засунув ноги в шлепанцы так небрежно, что человеческого в ней осталось мало.

Мимо проходил человек, крикнувший ей «Сестра Вэй». Следом за ним заявилось еще с десяток парней, и все до единого принялись орать то же самое — прямо как на каком-нибудь параде у какого-нибудь короля.

Ван Шэншэн не очень понимала подобное поведение предводительницы банды, но выход из интернет-кафе был всего один, так что идти всё равно пришлось.

Ли Цзиньвэй тоже заметила ее. Одета та была до приторности сладко: на голове красовались заколки, на теле — всякие милые вещички, и всё подобрано тон в тон.

— На конкурс красоты собралась?

Ван Шэншэн поначалу была спокойна как удав, но теперь ей оставалось только закатить глаза:

— Кто бы говорил! Непричесанная растрепка!

Заметив, как аккуратные начищенные туфельки девушки шажок за шажком приближаются к порогу, Ли Цзиньвэй протянула ногу, преграждая ей путь.

— Куда собралась?

Ван Шэншэн бросила:

— У меня дела...

Ли Цзиньвэй заявила:

— Уйдешь в рабочее время без спроса — оштрафую на двести.

Грудь девушки тяжело вздымалась — судя по всему, она сдерживалась из последних сил, стиснув зубы так, что те чуть не крошились:

— У меня правда дела.

Ли Цзиньвэй качнула ногой:

— Какие еще дела? Без уважительной причины не отпущу.

— Давай так: я пойду с тобой и посмотрю, действительно ли это серьезное дело, — она закинула локоть на спинку бамбукового кресла. — Мало ли чем ты занимаешься, прогуливая смену, даже не предупредив заранее.

Ван Шэншэн едва не раздавила ручки своей сумочки.

— Идем или нет? Я оплачу такси.

—...Идем.

Едва они сели в машину, Ли Цзиньвэй бросила:

— Шеф, на Чэнъяньскую квартиру.

Ван Шэншэн резко повернула голову, и их взгляды встретились.

— Разве мы не туда едем?

— Туда... Но откуда ты знаешь...

— Я же крутая. Теперь-то веришь, что я стою на вершине пищевой цепочки?

Ван Шэншэн принялась теребить пальцы и смолкла.

Всю дорогу до главных ворот Чэнъяньской квартиры они проехали в молчании. Секретарь Оу Цзяхао стояла в тени деревьев, и всем ее видом сочилось раздражение.

Дверь машины еще не успела открыться, как она, вышагивая на высоких каблуках вихляющей походкой в стиле тысячетней лисицы-оборотня, подплыла к ним и постучала в стекло.

Ли Цзиньвэй как раз сканировала QR-код для оплаты. Она приоткрыла окно, искоса глянув на женщину, и с полуулыбкой протянула:

— Чего суетишься? Может, сама нам за проезд заплатишь?

Уголки губ женщины несколько раз дернулись. Проигнорировав ее, она обратилась к сидевшей внутри машины Ван Шэншэн:

— Мисс Ван, господин Оу ждет вас уже очень давно.

— Человеческий язык не доходит, что ли? — подала голос Ли Цзиньвэй. — Твой господин Оу назвал точное время? Сами не имеют никакого понятия о пунктуальности, а совести хватает еще и понукать других?

Ван Шэншэн, похожая на испуганного хомячка, торопливо распахнула дверь:

— Я сейчас спущусь, всё в порядке.

Наглая девчонка! Ли Цзиньвэй толкнула дверцу ногой и двинулась следом за ними.

Пройдя полпути, секретарша снова надула губы:

— Этому нежелательному лицу нельзя внутрь, у нас очень конфиденциальный разговор.

Она недвусмысленно кивнула на Ли Цзиньвэй.

— Насколько конфиденциальный? И с чего это тогда тебе разрешено слушать?

Секретарша никогда в жизни не сталкивалась с таким наглым вымогательством. С трудом нацепив на лицо улыбку, она произнесла:

— Барышня, я — личный секретарь господина Оу, всеми его делами занимаюсь я.

Ли Цзиньвэй кивнула:

— Прекрасно, я — личный секретарь мисс Ван, и всеми ее делами сейчас занимаюсь тоже я.

—...

На лице женщины, густо покрытом косметикой, на долю секунды отразилось полное крушение. Было видно, что ее раздражает от злости, но возразить было нечем, поэтому ей пришлось с мрачным видом пропустить их.

Поднявшись наверх, они обнаружили Оу Цзяхао, сидевшего в центре роскошно обставленной

квартиры. Рядом с ним стояли две чашки с дымящимся черным чаем. Заметив вошедшую троицу, он на мгновение растерялся:

— А это... кто?

Ли Цзиньвэй плюхнулась на диван прямо напротив него:

— Фамилия Ли, нынешняя опекунша Ван Шэншэн. Все вопросы решай со мной.

Оу Цзяхао тут же бросил взгляд на дверь, но Ван Шэншэн никак на это не отреагировала и молча опустилась на диванчик неподалеку от Ли Цзиньвэй.

Аура хозяйки Ли заполнила все пространство — никакие дорогие интерьеры не могли затмить человека, одетого столь просто и даже обутого в шлепанцы.

Оу Цзяхао хотел что-то сказать, но запнулся. В конце концов он знаком велел секретарше принести несколько папок с бумагами:

— Сотрудничество между семьей Ван и семьей Оу прекращено, нужно поставить подписи и печати. Дядя Ван в тюрьме, так что искать приходится только тебя.

Он не испытывал к Ван Шэншэн никаких особых чувств: хотя они вместе обедали, ходили в кино и даже какое-то время жили под одной крышей в этой же квартире, всё оставалось в рамках приличий, их отношения были взаимно уважительными.

Семья Ван пала, семья Оу моментально отступила. Учитывая их прежнюю помолвку, Оу Цзяхао обошелся с ней еще не самым жестким образом.

Падение знатных семей всегда отличалось жестокостью. Закулисная грызня протекала медленно и мучительно, и семья Ван теперь походила на кусок гниющего мяса, к которому стянулись бесчисленные хищники.

Четырех месяцев оказалось достаточно, чтобы изменить человека. Теперь, глядя на Ван Шэншэн, Оу Цзяхао замечал в ней привкус улицы, которого раньше отродясь не было.

Точь-в-точь как у этой наглой девицы рядом с ней.

Он невольно потер переносицу.

Изначально Ли Цзиньвэй следила за тем, как расписывается Ван Шэншэн, но, заметив этот жест Оу Цзяхао, она схватила со стола чашку с черным чаем и осушила ее в один присест.

А затем небрежно выплюнула два слова:

— Гадость.

Женщина-секретарь презрительно фыркнула:

— Мисс Ли, это чай импортного производства, раз вы не умеете ценить хорошее, не стоит нести чушь.

Ли Цзиньвэй лениво откинулась на спинку дивана, даже не удослужив ту взглядом:

— Китайцы пьют заморский чай... По мне так ваши богачи все до единого с генетическим браком — оказывается, всё дело в том, что ваши мозги протухли от иностранщины.

В искусстве словесных перепалок равных хозяйке Ли не было. Ван Шэншэн прикусила губу, решив не вмешиваться в этот спор.

Лицо секретарши пошло пятнами, она обиженно глянула на Оу Цзяхао.

Господин директор выглядел как никчемный книжник, у которого умыкнула душу демоница, но который при этом изо всех сил старается сохранить благородный вид. Выражение его лица было мягким, и он заговорил в роли миротворца:

— Мисс Ли не разбирается в чае, и это вполне естественно. Однако этот сорт Шэншэн раньше любила больше всего.

Рука Ван Шэншэн дрогнула, и она тихонько прикусила изнутри нижнюю губу.

Что это должно было значить? Насмешка или попытка выставить ее на посмеище?

— Правда? — Ли Цзиньвэй приподняла бровь, с явным интересом глядя на ту, что подписывала бумаги, и весело рассмеялась. — Шэншэн, ты же теперь у нас в большом свете вращаешься, скажи ему: кола вкуснее или черный чай?

Ван Шэншэн опустила голову, не смея поднимать ее слишком высоко, и лишь украдкой встретилась с ней взглядом. Ли Цзиньвэй закинула прядь волос за ухо, и несколько крошечных блестящих сережек сверкнули черным глянцем.

Таким же темным и ярким, как ее глаза, в которых таилась бесконечная жизненная сила.

Она защищала ее. В этом не было ни малейшего сомнения.

Ван Шэншэн показалось, что ее чувства бьют через край совершенно некстати: ей то ли хотелось заплакать, то ли испытать какое-то невыразимое... счастье.

— Кола вкуснее, — на следующий момент, набравшись храбрости и с усилием выводя свое имя на бумаге, холодно ответила она.

— Да любая дешевая пятиюаневая бадяга вкуснее твоего чая.

<http://bllate.org/book/22059/2293716>